

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КУБАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
"РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА"
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

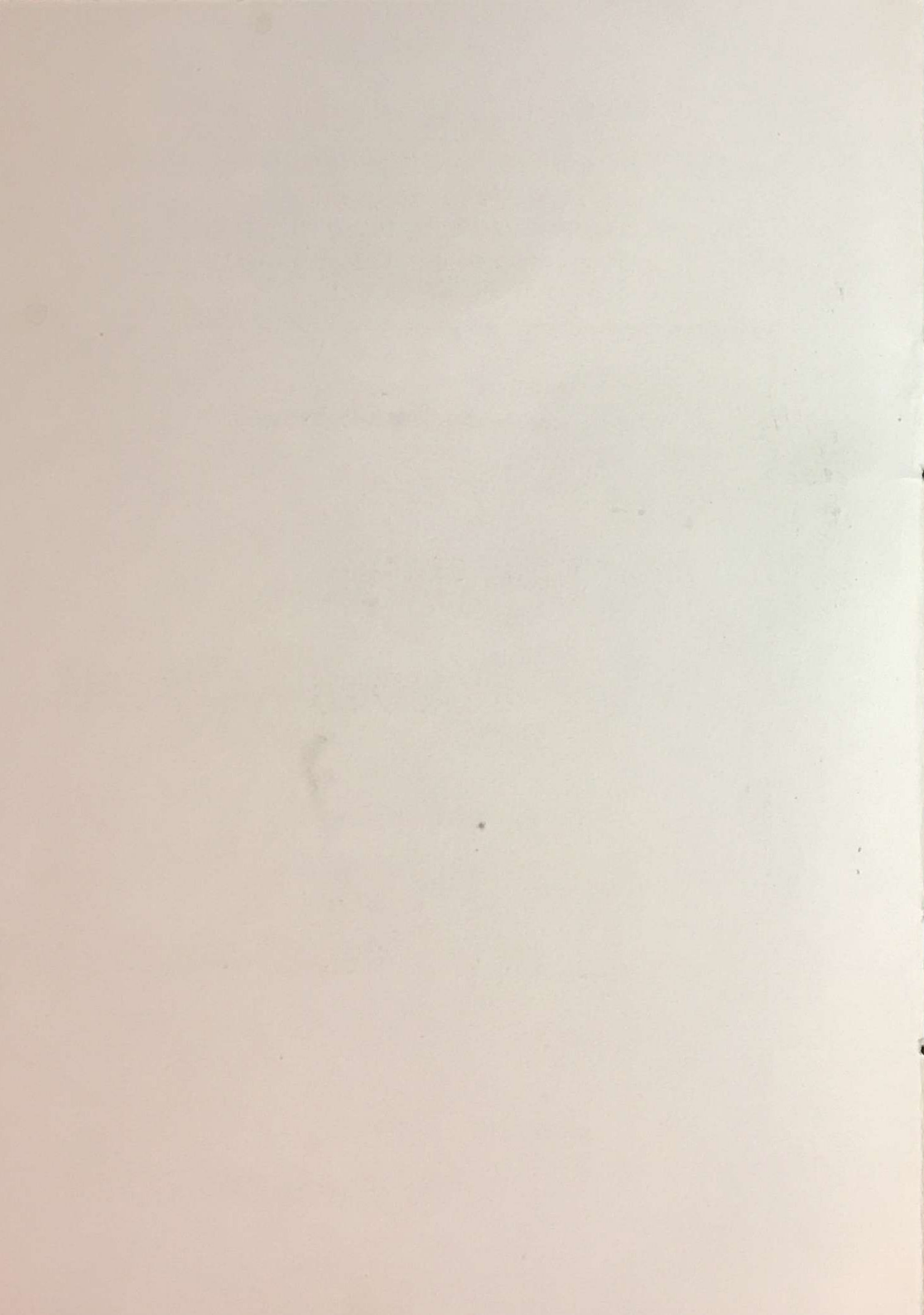
В. Б. ВИНОГРАДОВ, Н. А. ГУСЕВА

**ГОРСКИЙ ПЛЕН:
ЛЮДИ И СУДЬБЫ**

Армавир—2002

Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 35.
Лики российской истории Северного Кавказа. Вып. 8.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КУБАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
"РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА"
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 35.
Лики российской истории Северного Кавказа. Вып. 8.

В.Б.ВИНОГРАДОВ, Н.А.ГУСЕВА

ГОРСКИЙ ПЛЕН:
ЛЮДИ И СУДЬБЫ

(сборник публикаций)

Под редакцией докторанта АГПИ Е.И.Нарожного

Армавир – 2002

ББК
63.3(2Р37)
УДК 9(С16)

ISBN 5-93750-088-1

© Кубанское отделение "Русского исторического общества".

В.Б.Виноградов. Н.А.Гусева. Горский плен: люди и судьбы (сборник публикаций) / Под ред. Е.И.Нарожного. – Армавир, 2002.

Составитель – Д.В.ЖИЛЯЕВ, аспирант кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин АГПИ.

Небольшой сборник собрал в себе тематические публикации последних 3-х лет, подготовленные в творческом содружестве профессором, доктором исторических наук Виталием Борисовичем Виноградовым и студенткой IV курса исторического факультета АГПИ Надеждой* Александровной Гусевой. Горизонты проблемы работорговли, т.е. захвата людей и попыток дальнейшего –принудительного (если не насильственного) - определения их судьбы в реальности Кавказа XVIII-XIX веков были стимулированы выходом в свет (Армавир-Нальчик, 1998) в одном из серийов армавирской кавказоведческой Школы (под редакцией и с предисловием В.Б.Виноградова) ценной подборки кандидата исторических наук Е.С.Тютюнниковой ранее неизвестных архивных материалов под названием "Судьбы кавказских пленников (1817-1853 гг.)".

Краткие и конкретные этюды, представляемые авторами, хотя бы отчасти передают мозаику происшествий и их жизненных последствий, которыми был так наполнен "воюющий Кавказ" в пору его присоединения к Российскому многонациональному государству.

"КОНЧЕН ВРАЖЕСКИЙ ПОЛОН!"

Историческое значение равнинной подошвы гор Северного Кавказа состояло, в частности, еще и в том, что она при традиционной полиэтничности постоянно наращивала в себе черты области, принимавшей многочисленных выходцев из Южного Кавказа (Закавказья). Если даже оставить в стороне государственно регулируемые (со стороны России) переселения армян и грузин на протяжении XVIII в., то весьма впечатляющей была, например, инфильтрация закавказских христиан путем бегства из горского плена.

В исторической науке до сих пор господствует термин "работорговля", хотя уже давно грузинские историки предложили (вполне принятое нашей Школой) более оптимальное понятие – "пленопродавство". Фактов такового в источниках и специальной литературе, посвященной XVIII- середине XIX в., описано или упомянуто очень много. Достаточно обратиться лишь к обобщающей книге В.Б.Виноградова, Н.Н.Великой, Е.И.Нарожного "На Терских берегах" (Армавир, 1997), чтобы в ее разделах, касающихся армян и грузин, обнаружить убедительные примеры сотен беглецов или освобожденных оружием терских казаков пленных христиан, поселившихся в российских городах (Кизляр, Моздок и др.) или в гребенских станицах, что во многом определяло их самобытный облик (Н.Н.Великая, 2001).

Особую, даже исключительную информацию и психологическую ценность имеют редкие обстоятельные личные впечатления "новых россиян", дошедшие до нас из глубины истории. Среди них – автобиографическая поэма Давида Гурамишвили "Бедствия Грузии", отразившая события 1720-х гг., когда автор был захвачен и провел несколько лет в плену у "леков" (лезгин), откуда потом бежал, долго и мучительно скитался в горах, а затем с большими уси-

лиями пробрался на Терек, переправился в станицу (похоже, Шелкозаводскую), где и был душевно встречен разнообразным, но единоверным населением:

О, как сердце задрожало,
Услыдав церковный звон!..
Вот оно, мое спасенье!
Кончен вражеский полон!

(Перевод Н.Заболоцкого).

Давид Гурамишвили навсегда остался в России, а его творчество стало ярким примером нарождающегося российско-грузинского единства, складывавшегося через посредство Терских равнин. Сегодня такие свидетельства не в чести у некоторых историков. Но они достоверны и не должны подвергаться забвению, как и выводы армянской науки, что в XVIII в. "тяготение к России, переселение в ее границы армян действительно носили массовый характер" (Т.П.Арутюнян).

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ: "СЛОВО "ХЛЕБ" Я ЗНАЛ ПО-РУССКИ..."

Жизнь и творчество Д.Гурамишвили (1705-1787) неотделимы от России. Больше того, при его жизни родина "даже не знала о существовании своего выдающегося поэта" (Г.Леонидзе). Его стихотворное наследие стало достоянием грузинской литературы и общественности в XIX в., стремительно завоевав огромную популярность как в народе, так и среди лучших представителей поэзии, считавших себя преемниками, а самого Гурамишвили "своим предтечей" (Важа Пшавела).

Автобиографической историей Грузии и взаимоотношений Грузии с Россией является поэтический шедевр -

поэма "Бедствия Грузии", созданная на склоне лет, в годы проживания в Малороссии.

Уроженец окрестностей древней столицы Грузии Мцхеты, Давид принадлежал к знаменитому некогда дворянскому роду, оскудевшему в драматических событиях, когда в зареве пожарищ иранские и османские поработители разоряли и опустошали раздробленную Грузию, истинным бичом которой стала в XVIII в. "лекианоба" - бесконечные грабительские набеги дагестанских феодалов и "вольных обществ". На этом фоне сложился выстраданный обстоятельствами союз карталинского царя Вахтанга VI с российским императором Петром I.

В юности Д.Гурамишвили принял боевое крещение в сражениях с турецкими захватчиками. В 23-летнем возрасте он был захвачен при очередном набеге лезгин и провел около года в ужасных условиях дагестанского плена, с которым он не смирился.

Вторая попытка бегства была предпринята им в сторону российских владений на Тереке, откуда он в 1729 г. добрался до Москвы и попал в число приближенных вынужденного скитальца Вахтанга VI и его наследника Бакара, разделив в дальнейшем все зигзаги судьбы этой немалой группы "российских грузин". Тогда же раскрылся и его выдающийся поэтический дар, венцом которого стала названная поэма. В ней 7 глав посвящены северокавказским реалиям в жизни Давида. Следует заметить, что именно они, за редчайшим исключением (см.: В.Б.Виноградов, 1989), не подверглись должному историко-этнографическому анализу.

Между тем, описание тягот лезгинского плена и бегства из него на спасительный север содержит массу достоверной и интересной информации.

В конкретном случае ограничимся лишь несколькими строками из описания выхода изнуренного долгими превратностями автора в одну из станиц на Тереке:

...внезапно

На гумне я появился.

Окружив меня толпою,

На меня народ дивился.

У любого под рубахой

Крестик маленький светился.

Медный крестик лобызая,

Трижды я перекрестился.

"Лазарь, дай-ка парню хлеба!"

-Кто-то сжалившись сказал...

Слово "хлеб" я знал по-русски,

Слышал я его и ране.

Услыхав его, я понял,

Что на русской я окраине...

Был казак в селенье этом,

Мне ниспосланным судьбою.

Как родной отец за сыном,

Он ухаживал за мною.

Обнял он меня с любовью,

Оросил мне грудь слезою,

Толмача Январу-пшава

Разыскал, привел с собою...

(пер. Н.Заболоцкого)

Так, русское слово "хлеб" и душевное гостеприимство, хлебосольство единоверцев не просто спасли будущего поэта Давида Гурамишвили, но и стали символами преодоления великих "бедствий Грузии" на пути ее исторического единения с Россией.

ЛИНЕЙНЫЕ КАЗАКИ И "КАВКАЗСКИЕ ПЛЕННИКИ": СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ

В условиях массового горского пленопродавства (работорговли) в XVIII-середине XIX в. кубано-терское казачество, обеспечивавшее безопасность российских границ на Линиях, самыми разными способами участвовало в избавлении несчастных от мук неволи и приобретении ими свободы и безопасности.

Один из них отражен А.С.Пушкиным в знаменитой поэме 1821 г. "Кавказский пленник", герой которой тешит себя мечтами о спасении:

...ОН ждет, не крадется ль казак,
Ночных аулов разоритель,
Рабов отважный избавитель...

Весьма выразительно сцена ночного казачьего набега на высокогорный аул стихотворно описана его участником Н.С.Мартыновым в 1840 г. (см.: Виноградов В.Б. "Герзель-аул" Н.С.Мартынова как историко-этнографический источник. – Армавир, 2000. – С. 12).

В других случаях известны яркие примеры того, как отряды терских казаков у подошвы и в ущельях Черных Гор отбивали значительные (более полусотни) группы пленных, которые скрытно выводились горцами в Анапу и на другие "невольнические рынки" для продажи османским купцам (см.: Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. – Армавир, 1997. – С. 25; Виноградов В.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796-1801 гг.). – Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999. – С. 37).

Наконец, примечательный эпизод 1720-х гг. с пронзительным чувством описан в автобиографической поэме Давида Гурамишвили: пленный лезгинами грузин после длительных испытаний бегства, истерзанный голодом по-

падает в станицу гребенских казаков на Тереке. И первая же адресованная ему и понятая им фраза ("...Слово "хлеб" я знал по-русски...") обозначила добросердечный прием и полное освобождение от тягот изнурительного и оскорбительного плена.

Приведены всего лишь отдельные (но не случайные!) штрихи в той многообразной панораме, которая нуждается в специальном изучении, в особенности учитывая драматические факторы современности в освобождаемой ныне силой оружия от бандформирований Чеченской Республики.

"ОДИССЕЯ" 1800-1851 гг. Д.А.ХОХЛОВА (опыт реконструкции биографии кавказского пленника)

В 1998 г. в г. Армавире кандидат исторических наук Е.С.Тютюнина ввела в научный оборот уникальные документальные материалы из ЦГА КБР (г. Нальчик) о судьбах кавказских пленников прошлого века.

В числе таковых был и московский уроженец, купеческий сын Дементий Алексеевич Хохлов, захваченный 15-летним юношей в плен немирными горцами (балкарцами) в 1800 г. у "Горячих вод" (Пятигорска) и вплоть до 1848 г. вынужденный жить "во владении", в ауле князя Кучука Баймурзова, "помня всегда о родине и о русской православной церкви". Хохлов "всякий год вознамеревался пройти в Россию, но всегда был преследуем жителями здешнего народа и возвращаем к упомянутому моему хозяину, который за уходом моим строго наблюдает". Только в 63-летнем возрасте Д.Хохлов обрел долгожданную свободу, причем ему пришлось проделать путь из горной Балкарии ("Чемгемская Осетия"), через российские крепости

Баксанское, Нальчик, Кисловодское, станицу Ессентукскую, город Ставрополь; побывать в Москве и возвратиться оттуда на Северный Кавказ, где в 1851 г. он и получил наконец "свидетельство" о дозволении избрать вновь род жизни на общих правилах".

Весьма интересны и познавательны документы идентификации личности Д.А.Хохлова и недюжинных хлопот и затрат разных звеньев российской администрации на Кавказе по обустройству его судьбы после вызволения из плена. Демонстрация таковых сегодняшнему юношеству (студентам и старшеклассникам) вызывает вполне определенные (и далеко не всегда положительные) ассоциации с состоянием "кавказских пленников" конца XX века и в этом таится большой воспитательный потенциал правдивых историй прошлого.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА В ГОРСКОМ ПЛЕНУ

Осенью 1850 г. стало известно еще об одной судьбе кавказского пленника. На сей раз им оказался рядовой Севастопольского пехотного полка, 6-й роты, 1-го отделения Яков Бойко. О его захвате, жизни в плену и освобождении мы узнаем из документов, хранящихся в Центральном Государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики и недавно опубликованных Е.С.Тютюниной.

Из показаний Я.Бойко от 22 октября 1850 г. следует, что пленен он был в Грузии, близ р. Алазань, где "занимаясь мытьем черного белья, не заметил, как подбежали два азиата. схватив меня, потащили в мирный аул...". Пробыв несколько дней в этом неизвестном ауле, Яков Бойко был продан в аул Мочадо князю Аселис Магмуту. Три раза он пытался бежать, но его ловили и возвращали хозяину. В последний раз Якова поймал "татарин" из мирного аула

Ашаб Бухор, отвел его в свой дом и заставил работать как крепостного холопа. Здесь он находился около двух лет. После смерти хозяина Бойко представился удачный случай, чтобы бежать. Воспользовавшись им, 21 октября 1850 г. Бойко прибыл в г.Георгиевск и явился к воинскому начальнику.

При "переспросе" 15 декабря Бойко "показал", что, попав в плен, был продан в деревню Клестеру Махometу и прожил у него 3 года. Затем был продан в деревню Гедатли Оселезу Махмуду за 50 руб. серебром, и, прожив там 13 лет, вновь перепродан в деревню Бурзы Азбику за ту же цену, у которого жил 4 года. Затем он попал в Малую Кабарду к Эльбуздуле Астемирову (вновь на 4 года). Оттуда и бежал в г.Георгиевск. Таким образом, Яков Бойко находился в кавказском плену более 25 лет. За это время (вероятно, в деревне Азбика) он женился и имел сына, "но они обои померли".

Было проведено тщательное расследование с целью узнать: дезертировал ли рядовой Бойко или действительно был захвачен в плен. В итоге следствия он был освобожден из-под ареста, и командующий Кавказской Линией в Черномории генерал-лейтенант Зазадовский написал прошение начальнику центра Кавказской Линии от 6 сентября 1851 г. о том, чтобы "рядового Бойко по-прежнему зачислили на службу в одну из инвалидных команд, куда годным оказался".

В момент освобождения Бойко из под ареста ему было более 60 лет, а значит еще одна судьба русского человека была искалечена в кавказском плену. Таких страдальцев было немало. Их биографии, ныне восстанавливаемые, существенно конкретизируют региональную историю. "очеловечивают" её.

"ИРОНИЯ" СУДЬБЫ

Продолжая (вслед за Е.С.Тютюниной и по ее документальным материалам) знакомиться с судьбами кавказских пленников, нельзя обойти стороной Андрея Ивановича Кречетова.

Он сам явился к "г-ну главнокомандующему на Линии" в июне 1853 г. и просил "оставить его окончить жизнь при теперешнем владельце, дающем ему дневное пропитание". Кречетов объяснил это тем, что в плену обрел семью (жена Дахенал, сын Шалох, дочери Мелихан и Куко) и принял "магометанскую веру". Он просил учесть его преклонный возраст и слабое здоровье.

Как и положено, было проведено "дознание": действительно ли Андрей Кречетов был взят в плен, а не дезертировал и что "совращение его с православной религии было вынуждено давним нахождением между магометанами", а не "доброй волей".

В ходе проверки установили: А.Кречетов со своим семейством проживал в селе Арина Казанской губернии. В 1811 г. Кречетовы, как и еще 12 других семейств, следовали на Кавказ, на поселение. Но по дороге близ г. Пятигорска на них напали "черкесы", которые разграбили обоз, некоторых "порубили", другие разбежались, а Кречетов и еще 9 молодых ребят забрали в плен "на реку Чигем, в аул Аножоков".

Не один раз он пытался бежать, но безрезультатно. А через три года его хозяин Хусын Кетыкучев женил его на своей крестьянке, с которой он прожил всю жизнь и имеет 3-х детей.

А еще через 7 лет принял "магометанскую веру" и отказался от намерений вернуться на родину, "не желая нигде искать другого рода жизни".

Проживая последние годы на реке Уруп, Кречетов не раз выполнял обязанности переводчика у генерала Г.Х.Засса и других российских чинов. Он бывал в крепости Прочный Окоп по хозяйственным нуждам.

Все это и было доложено начальнику центра Кавказской Линии. Было решено "оставить его Кречетова без преследования", и о дальнейшей (не столь и обычной) судьбе пленника сведений нет.

Ф.Ф.ТОРНАУ: "НЕ ОПРАВДЫВАЯ ЧЕРКЕСОВ... Я НЕ БУДУ СТРОГО СУДИТЬ ИХ..."

Среди многочисленных и разнообразных источников о горском пленопродавстве и работорговле в первой половине XIX в. особое место занимают записки-воспоминания российского офицера-разведчика Ф.Ф.Торнау, пребывавшего в плену у закубанских адыгов в середине 1830-х годов. В последние 10 лет этот ценный исторический источник публиковался неоднократно в Майкопе, Нальчике, Москве, но все еще не стал предметом комплексного специального изучения.

Между тем, в нем содержится не только обстоятельный и правдивый ("правде не изменил... рассказал как было") отчет о драматическом эпизоде в судьбе самого автора. В интереснейшем и полном ярких деталей мемуарном "отчете" Ф.Ф.Торнау присутствуют выразительные образы русских, ногайских, абазинских, адыгских и иных пленных, оказавшихся волей жестоких обстоятельств рядом, а частью и тесно соприкасавшихся, действовавших с ним вместе.

Лично наблюдая случаи продажи людей на чужбину, пытливый офицер отмечает: "Черкесы при том не продавали своих дочерей (тут же оговаривая, что "у мусульман

девушка, выдаваемая замуж, равномерно продается" за калым, - авт.), а продавали туркам только рабынь или пленниц, отдавая их в руки своих единоверцев... К тому же обыкновенно они не делали своим пленникам обоего пола через продажу малейшего зла. Проданные мальчишки нередко делались в Турции знатными людьми, а черкешенки почти всегда первенствовали в гаремах богатых турок. А когда на проданных выпадала несчастная доля, так был виноват не продавец, так написано в книге Судеб! Торговля женщинами вообще была для черкесов почти необходима..."

Иллюстрируя свою мысль живыми примерами, Ф.Ф.Торнау едва ли не первым делает попытку отойти от безоговорочного осуждения горского пленопродавства в историческом контексте своей эпохи, огульного противопоставления его окружающим реальностям. Мучительно страдая сам в плену, от которого стремится избавиться любыми средствами, он без слепой враждебности, агрессивного неприятия воспринимает и оценивает воочию наблюдаемый им мир "черкесской" "особности", стремится понять его, охватить собственным разумом и чувствами то, что мы назвали бы сегодня горской ментальностью. "Не оправдывая черкесов в этом деле (пленопродавстве, - авт.), я не буду и строго судить их", - пишет Ф.Ф.Торнау.

Эта, выпадающая из тональности своего времени, оценка просвещенного русского человека заслуживает глубокого анализа. Заметим, пока что, ее многозначительную, в частности, переключку с подходами А.С.Грибоедова, продемонстрированными им в шедеврах кавказских образцов поэзии и эпистолярного жанра за 10 лет до раздумий Ф.Ф.Торнау. Напомним последующие, протяженные во времени российские реформы по отмене крепостничества и рабства, которые Максим Ковалевский

справедливо считал "самой удачной стороной русской политики на Кавказе".

И ограничимся констатацией того, что, по нашему мнению, Ф.Ф.Торнау является выразителем того судьбоформирующего облик Кавказа в составе единого многонационального государства явления, которое все чаще именуется в научной литературе **РОССИЙСКОСТЬЮ** (подробнее см.: *Российскость: понятие, содержание, историческая реальность* / Под ред. В.Б.Виноградова. – Армавир, 1999). Академик Л.И.Кузеванов по этому поводу высказывается так: "Понятие "российскости" ... имеет комплексное значение и может войти в систему понятий ряда наук и прежде всего российской педагогики. Воспитание российскости — важнейшая задача всех уровней российской школы..." (Кузеванов Л.И. Неклассическая концепция истории // *Российский исторический журнал*. – 1996. - № 3 (11). – С. 5-6).

Именно с обозначенных позиций мы намерены в скором времени рассмотреть судьбу и творчество Ф.Ф.Торнау, как одной из знаковых фигур русско-северокавказских взаимоотношений в годы "Кавказской войны", в которую, "кстати, были втянуты лишь немногие народы Северного Кавказа" (Кавказ в сердце России. На вопросы современности ответы ищем в истории. – М., 2000), что обязательно следует учитывать в учебно-воспитательной практике вузов и школ.

СРЕДИ ЛИНЕЙЦЕВ ЛЕВОГО ФЛАНГА В 1832 г.

Воспоминания Федора Федоровича Торнау (1810-1890) общепризнанны ценнейшими историческими источниками о событиях на Кавказе в 1830-х гг., в котором он ничем не погрешил "против русского ума и чувства". Гораздо лучше известны страницы мемуаров, посвященные Северо-

Западному Кавказу и Грузии, тогда как эпизоды, касающиеся Северо-Восточного Кавказа пока не привлекли должного внимания; если не считать недавнего обзора С.Э.Макаровой во вступительной статье к московскому изданию 2000 г. самого содержательного из сочинений выдающегося российского офицера.

Между тем, события 1832 г. привели молодого и деятельного поручика в тесное соприкосновение с казаками-линейцами во время и после военных экспедиций в Ингушетию и Чечню.

Еще в марте, по дороге в Тифлис, Ф.Ф.Торнау посетил Ставрополь, Екатериноград (главную столицу "горского линейного казачьего полка"), Владикавказ, проехал по Военно-Грузинской дороге, размышляя о том, что через Дарьяльские ворота проходило "много народных громад", и "все они шли на погибель себе и своих собратий по человечеству; одни русские прошли здесь не с мыслью об истреблении, не за добычей, а на защиту христианского царства, истекавшего кровью под ударами своих лютых мусульманских соседей".

Именно в Тифлисе, столице Грузии и всего Кавказа, Торнау в конце июня 1832 г. оказывается в составе крупного отряда, предназначенного для "наказания" ингушского общества галгаевцев, обитавших высоко в горах и верховьях рек Асса и Фартанга. Нарушив свою присягу на подданство России, они убили пристава и двух русских миссионеров-священников, присоединившись к Казимулле и творя разбойные нападения на Военно-Грузинскую дорогу. Мемуарист отметил "необходимость уничтожить веру горцев в силу их притонов и доказать им примером, что для русского войска нет неприступных мест и непроходимых дорог".

В составе военного отряда с первого дня его движения находилась сотня линейных казаков Моздокского полка

под командованием командира полка Г.Х.Засса. У селения Балты присоединилось еще 200 линейцев. С этими казаками Ф.Ф.Торнау прошел по ущелью р.Армхи, пересек Горную Ассинскую котловину, вышел к селению Цори, штурмовал аул Гай на вершине одноименной горы, участвовал в 20-верстной "гоньбе" вниз по Фартанге, в результате которой у бегущих галгаевцев было отбито и пригнано в лагерь немалое стадо скота. 28 июля в ауле Шуан корпусной командир Г.В.Розен поблагодарил войска и объявил о завершении галгаевской экспедиции.

Однако почти без перерыва последовало продолжение: большой поход против мятежных чеченцев, которым очевидец и участник сложившейся ситуации дал такую характеристику: "Враждебные столкновения с ними начались со времени первого поселения казаков на берегу Терека... С тех пор вражда чеченцев к русским возрастала с каждым годом, принимая все более и более характер непримиримый, истребительной войны. Когда между лезгинами распространилось учение, из которого возник мюридизм, и дагестанские нагорные общества признали над собою духовную власть Кази-Магомета: тогда и чеченцы не замедлили присоединиться к имаму, проповедовавшему "казават", священную войну против русских, их коренных врагов. И как было не идти за таким учителем, который по пути грабежа и беспощадного мщения вел к вратам рая каждого правоверного, посвятившего себя на истребление гяуров".

В мемуарах Ф.Ф.Торнау сообщается, что маршрут этой экспедиции протянулся от Назрани через Грозную, Герменчуг, Автуры, Майртупский лес, Беной, Дарго, Центури, Гордали, Хош-гелды, Умахан-Юрт, т.е. охватил большую часть плоскостной и предгорной Чечни. В составе отряда постоянно присутствовали и храбро сражались терские казаки.

Когда Торнау при отходе с гор был тяжело (полагали даже смертельно) ранен в пах, 8 линейцев и 8 пехотинцев несколько дней несли его на носилках, энергично отстреливаясь от чеченских засад: "При первой угрозе казаки ставили носилки на землю, садились на присошки, солдаты становились вокруг и отбивались, пока не являлась помощь".

По личному распоряжению командира отряда А.А.Вельяминова мужественный офицер был направлен для исцеления в дом к командиру Гребенского казачьего полка майору Макарову. Здесь, при осмотре раны, нашли начинающуюся гангрену, против которой войсковая медицина была бессильна.

Макаров поступил в полном согласии с казачьими правилами: предложил воспользоваться услугами горского лекаря – кумыкского гакима Чурукая. Тот, по свидетельству пострадавшего, "с первого взгляда объявил рану очень "яман" (плохой, - авт.), однако обещал, с помощью Аллаха, поправить дело, обложил пах компрессами из холодного рассола, помазал какой-то душистой мазью, когда исчезли появившиеся признаки гангрены, продолжал пользоваться своими привычными простыми средствами, медом и свежим коровьим маслом..."

Через три недели состояние раненного настолько улучшилось, что его со всеми необходимыми предосторожностями перевезли из Червленной в Наур, к Г.Х.Зассу.

Еще более полутора месяцев длилось выздоровление, а затем, по просьбе Вельяминова, Торнау продолжил служить на Линии, и возвратился в Тифлис только в декабре 1832 г.

Это время пребывания в Ингушетии, Чечне, среди линейных казаков Терека обогатили пытливого офицера многими важными знаниями и наблюдениями, которые затем крепко послужили Ф.Ф.Торнау в его закубанских приключениях, в том числе и во время его длительного пленения.

ОБРАЗЫ КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИКОВ В ЗАКУБАНСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ Ф.Ф.ТОРНАУ

Федор Федорович Торнау (Торнов) – русский офицер-разведчик периода "Кавказской войны". Он был послан царским командованием в непокорные районы Кавказа. Цель военной разведки была четко определена и.о.квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса, полковником бароном Х.Х. фон дер Ховеном: "дабы в будущее время можно было продолжать устройство военной дороги от Гагры далее к Геленджику, то предварительно необходимо получить ... топографические и статистические сведения о совершенно неизвестных нам странах".

Но эта разведка затянулась более чем на два года, так как Торнау попал в плен в 1835 г.

Он оставил довольно обширное научное и литературное наследство. Несомненно, самое значительное в нем – "Воспоминание кавказского офицера". В этом произведении Торнау описывает свою жизнь в плену у закубанского обитателя – князя Тамбиева и параллельно фиксирует судьбы других пленников.

Русская женщина Мария была схвачена на Линии 8 лет тому назад. Она хорошо говорила по-черкесски, уже обжила в доме своего хозяина и не хотела возвращаться на родину, где со смертью мужа, убитого на ее глазах, потеряла все. Единственную привязанность и надежду в жизни составлял ее сын, абадзехский мальчик.

Ногаец Абдул-Гани. Попал в плен после "одной из воровских поездок" Тамбиева. Поначалу тот не сковывал его, называл своим "братом-мусульманином", всячески ласкал и оберегал, надеясь получить в качестве выкупа "несколько голов скотины или три арбы хлеба". Но ногаец отказывался, "призывая Аллаха в свидетели своей бедности". Че-

рез две недели Абдул-Гани предпринял попытку побега, но на другое утро его привели назад. Во избежание повторного побега его заставили присягнуть на Коране. Однако через 14 дней он бежал вновь. На этот раз ногаец был возвращен через 3 дня. Его поместили в одну охраняемую избу с Торнау, после чего они договорились о совместном побеге.

Первое время все складывалось удачно: ушли незамеченные охраной, переправились через быструю реку, но неожиданно наткнулись на засаду. Их вернули в аул, поместили в ту же избу, приковав теперь цепью и наложив оковы на ноги. И все же надежда на побег жила! Путь к свободе ногайцу открыл Торнау, "растодковав употребление ключа и способ как добраться до замка, висевшего за стеной, с наружной стороны избы, что было возможно только через крышу". Абдул-Гани все сделал правильно и больше не возвращался. Позднее стало известно, что он 10 дней бродил по лесам и дошел до родного Токтамыша. Но не перенес страданий и тягот семимесячного плена и четырех попыток побега. Вскоре после возвращения домой он "начал чахнуть и через полгода умер".

Безымянный казак. Его захватили в плен, когда он ехал с Чамлыка на Кубань. Из него Тамбиев хотел сделать работника, и поэтому позволял ему свободно ходить, ласкал его и приискивал невесту. Торнау же в лице казака увидел товарища для обретения свободы. Вместе они предприняли ряд мер для побега, договорились о дне и встрече на кладбище. Первым на условленное место пришел Торнау. Лай собак известил ему о побеге казака, но тот на место встречи так и не появился.

Казак спасся; обойдя кладбище, он бежал прямо в лес, за 6 дней дошел до р. Сагуаши (Белой), переправился через нее, еще трое суток скитался по закубанской равнине. Его встретили и спасли темиргоевские пастухи, которые и

привезли на Кубань.

Служанка Хан была 15-летней девушкой, которую одевали, воспитывали и холили не как других служанок, т.к. готовили на продажу в Турцию. Вскоре ее увезли. При этом смех и слезы сменялись на ее лице: смех оттого "что будет госпожой, дадут хорошие платья, денег, которые можно будет посылать отцу и матери". Слезы, так как "жаль расставаться с родными и от неизвестности, какой окажется ее будущий господин".

Таким образом, "Воспоминание кавказского офицера", составленное на основе личных наблюдений Ф.Ф.Торнау, дает возможность увидеть сцены реальной жизни и условий пребывания "кавказских пленников" среди горцев, что подается объективно, несмотря на все превратности судьбы самого автора (см.: Виноградов В.Б., Гусева Н.А., 2001).

СОДЕРЖАНИЕ

"Кончен вражеский полон!".....	
Давид Гурамишвили: "Слово "хлеб" я знал по-русски..."	
Линейные казаки и "кавказские пленники": степень участия.....	
"Одиссея" 1800-1851 гг. Д.А.Хохлова.....	
Четверть века в горском плену.....	
"Ирония" судьбы.....	
Ф.Ф.Торнау: "не оправдывая черкесов... я не буду строго судить их..."	
Среди линейцев левого фланга в 1832 г.	
Образы кавказских пленников в закубанских воспоминаниях Ф.Ф.Торнау	

ЛР № 47-34 от 22.11.99 г.

Подписано в печать 30.09.02 г. Формат бумаги 60x84/32. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 0,625. Уч. изд. л. 0,75. Заказ № 2944. Тираж 1000.
Государственное унитарное предприятие "Армавирское полиграфпредприятие"
департамента по делам СМИ, печати, телерадиовещания и СМК администрации
Краснодарского края. 352900, РОССИЯ, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.

